

СИНТАШТИНСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНЦЕПЦИЯ ХАРИЗМАТИЧЕСКИХ КЛАНОВ О. ПРИЦАКА

Предлагается соотнести открытия челябинских археологов, и прежде всего Г. Б. Здановича, на Южном Урале с концепцией харизматических кланов Омеляна Прицака. По мнению исследователя, харизматические кланы (племена воинов) выдвигали из своей среды харизматических лидеров — грядущих королей и каганов. Зарождение этого процесса связано с кланами воинов-колесничих эпохи бронзы. Выделение синташтинской культуры с ранними комплексами склепов колесничих вносит в изложенную концепцию определённую конкретику, связанную с проблемой зарождения харизматических кланов и харизмы как фактора легитимизации власти. Заслуживает внимания сопоставление концепции О. Прицака с импульсивной теорией осей пассионарных толчков Л. Н. Гумилёва. Проблема власти и харизмы как движущей силы прогресса/регресса всегда будет сложной и актуальной. О. Прицак на практике использовал свою концепцию в решении вопросов происхождения Руси.

Ключевые слова: синташтинская культура, харизма, власть, харизматические кланы, средняя бронза, поздняя бронза.

Юбилей корифея российской археологии Геннадия Борисовича Здановича — событие неординарное, настраивающее на размышления относительно его вклада в науку. Помимо всех прочих своих достижений на ниве археологии, юбиляр открыл миру «Страну городов» на Южном Урале, удивив этим явлением учёный мир. Его открытие, как водится, вызвало волну признания и восхищения, с одной стороны, и жёсткую, а временами и жестокую, критику — с другой. Автору довелось быть участником и свидетелем двух событий в жизни юбиляра.

Первым стало представление раскопок Аркаима учёному сообществу на поле-вом симпозиуме 1989 г. Вторым — презентация «Country of Towns» на всемирном конгрессе в Кембридже, подчеркнувшая глобальную значимость открытия [42. Р. 379–396].

Лишь после него имело место третье событие — защита докторской диссертации в столице Удмуртии — Ижевске. В докторском докладе Г. Б. Зданович принимает и употребляет термин «синташтинская культура» в пределах «Страны городов», очерченной им же [15. С. 13]. Соглашаясь с этим, стоит уточнить эпоху названной культуры: не «средней бронзы», а переходный период от средней к поздней бронзе [31. С. 7–11; 27. С. 58–65]. Оставим среднюю бронзу «катакомбникам» и «полтавкинцам», а синташтинская культура заслуживает особого периода, облик коего её носители во многом и определили.

¹ Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.

Далее предлагаю перейти к некоторым аспектам событий на Южном Урале в переходный период и влияния их на ход мировой истории. В связи с этим хочу обратить внимание на концепцию харизматических кланов, сформулированную в фундаментальном труде украинского историка и языковеда Омеляна Прицака «Походження Русі» [41; 33]. Обратимся к истокам явления, отмеченного О. Прицаком для II тыс. до н. э. [28. С. 42–48]. С харизматическими кланами исследователь связывает происхождение «основателей империй». Среди общественных групп эпохи бронзы, известных из письменных источников Ближнего Востока, исследователь фокусирует особенное внимание на социальной группе воинов-колесничих.

«Это были первые профессионалы, то есть профессиональные воины и международные торговцы. Профессиональный дисциплинированный военный класс сформировался во II тыс. до н. э. вследствие изобретения новой военной техники — колесниц. Последующий “коммунизм воинов” (открытие, очевидно, индоевропейское) утвердился в домах неженатых юношей, где господствовала идеология *Mannerbunde* и которые так мастерски реконструировал Жорж Дюмезиль. Этот культ дюжих юношей существовал в нескольких вариантах, два из которых имеют особое значение для нашей проблемы: древненордический культ *Одина* и древнетюркская религия *Тенгри*. На основе этих культов и возникли харизматические кланы (племена воинов), претендовавшие на божественное происхождение и специализировавшиеся на управлении и ведении войн. В свою очередь, они породили харизматических вождей, ставших впоследствии королями (немецкое *kening* — “человек божественного происхождения”) со своими свитами (*comitatus*; древнетюрк. *buyruk*; древнерусское *дружина*)» [33. С. 79].

Принципиально важным является то, что О. Прицак связывает между собой два события — изобретение боевой колесницы и появление харизматических кланов. Автор концепции прямо указывает на первые известные харизматические кланы каситских, миттаннийских, гиксосских и древнегреческих воинов на двухколёсных колесницах. Упомянутые кланы были индоевропейскими по происхождению и пришлыми извне в страны реализации своих властных амбиций. Харизматический клан ариев принимает участие в формировании государства Миттани в XVI в. до н. э. Именно благодаря арийской военной аристократии местное хурритское население ознакомилось с тренингом колесничих коней. Об этом свидетельствует коннотренировочный текст миттаннийца Киккули, насыщенный профессиональными терминами и оборотами арийской речи [1. С. 30–33]. Таким образом, колесница стала не только новым эффективным орудием ведения войны, но и средством утверждения харизмы. Иначе говоря, появление харизматических кланов было прямым следствием изобретения лёгкой колесницы, поэтому и происхождение их видится общим.

Иное видение проблемы, которая вывела О. Прицака на концепцию харизматических кланов, предложил Лев Гумилёв. Речь идёт о популярной ныне теории осей пассионарных толчков. Знаменательно, что древнейшую ось Л. Гумилёв связывал с государствами и археологическими культурами, где фиксируются ранние комплексы воинов-колесничих: Египет гиксосов, Палестина, Миттани, Хеттское государство, андроновская культура, перемещённая почему-то на Нижнюю Волгу [11. С. 14, рис. 2]. Собственно, андроновская культура (ныне — культурная общность) сформировалась уже в эпоху поздней бронзы, на основе синташтинской

и петровской культур боевых колесниц. При этом ареал Синташты существенно отдалается от намеченной Л. Гумилёвым оси пассионарных толчков. Но если продлить эту ось от Нижней Волги на северо-восток, то она окажется на Южном Урале в ареале синташтинской культуры и южноуральского очага культуругенеза, где и раскопаны древнейшие склепы колесничих с остатками лёгких двухколёсных боевых колесниц.

Открытие феномена «Страны городов» на Южном Урале, представленного укрепленными поселениями и некрополями синташтинской культуры [9; 14; 18; 10; 13; 8; 17], позволяет локализовать очаг формирования ранних харизматических кланов в её ареале. Именно в погребениях Синташты выявлены остатки древнейших лёгких колесниц с колёсами на спицах в комплексе с парами взнузданных лошадей и оружием (копья, топоры, булавы, колчаны со стрелами) [9. С. 207–218, рис. 110–117]. В. С. Бочкарёв предложил для упомянутого феномена таксон «Волго-Уральский центр (или очаг) культуругенеза» [6. С. 23–27; 7]. Автор этих строк рассматривает его как «Южноуральский центр (или очаг) культуругенеза» исходя из того, что комплекс признаков «Страны городов» зафиксирован исключительно в регионе Южного Урала. Поволжье, где отсутствовали следы колесниц в погребальных сооружениях и укрепленные поселения, видится отдалённой периферией упомянутого очага [32. С. 30].

Поскольку генезис археологических культур определён связан с развитием социальных структур, видное место среди которых занимают властные кланы, В. С. Бочкарёв логически выходит на тему «колесничной аристократии»: «могилы “колесничих” органически вписаны в структуры некрополя и никакими особенными или дополнительными признаками не выделяются. Опираясь на эти наблюдения, можно допустить, что высоким социальным статусом обладали не только отдельные особы, но и целые группы людей, связанные родственными узами (большая семья, клан, линидж?). Очевидно, что такие группы занимали господствующее положение в синташтинском обществе» [6. С. 23].

В цитируемом пассаже стоит не согласиться только с тем, что могилы колесничих никакими особенными чертами не выделяются. Но в том-то и дело, что выделяются: центральным расположением на могильнике, уникальной конструкцией и большими размерами погребальных сооружений, жертвами запряжных животных и зависимых лиц, наличием колесниц и/или элементов конской упряжи, оружия и атрибутов власти. В своё время автор предложил называть такие усыпальницы склепами колесничих [30. С. 68–70]. Столь неординарные сооружения можно соотнести с погребениями представителей харизматических кланов. Датируются склепы колесничих, в соответствии с калиброванными радиоуглеродными определениями древесины из погребений, XXI/XX–XVIII вв. до н. э. [37. Р. 38; 22. С. 179–180].

Явный хронологический приоритет синташтинских склепов колесничих перед подобными усыпальницами за пределами Южного Урала позволяет проследить векторы движения оформленных харизматических кланов в направлении ранних государственных образований. Наиболее чётко прослеженными являются Карпатский и Балканский векторы. Вдоль них прослеживаются находки щитковых псалиев и парные захоронения запряжных лошадей. Обращаем внимание на парное захоронение взнузданных лошадей в кургане у пгт. Гусятин на р. Збруч в Терно-

польской области, первое, обнаруженное в Украине [19. С. 77–90, рис. 2–7]. Интерпретация комплекса позволяет отнести его к началу II тыс. до н. э. и сопоставить по орнаментам в Карпато-Микенском орнаментальном стиле (КМОС) с щитковыми и желобчатыми псалиями с Северского Донца, Дона и Волги [3. С. 54–57]. Г. Б. Зданович рассмотрел щитковые псалии с декором в упомянутом стиле ещё далее к востоку — на Ишиме [16. С. 61, рис. 4]. Очевидно, что этот стиль сложился в среде ранних колесничих и был своеобразным проявлением субкультуры харизматических кланов [29. С. 46–48].

Где-то с середины 1990-х гг. европейские исследователи стали всё чаще оглядываться на Северо-Восток в поисках истоков КМОС. Словацкие археологи отвели Микенам последнюю позицию в триаде «Карпатский бассейн — Синташта — Микены» [38. S. 25]. В. И. Беседин ставит под сомнение «микенское» происхождение орнаментального стиля и настаивает на его северо-восточном (абашевском) происхождении [4; 5]. К аналогичному видению проблемы генезиса КМОС склоняется и С. Пеннер в монографии «Шахтовые гробницы Шлимана и европейский Северо-Восток» [40]. Наиболее чётко свою позицию изложил Я. Маккай в брошюре о ранних правителях Микен и ранних иранцах Северо-Востока, где аргументировал приход властной элиты последних из степей Северного Причерноморья, как минимум. Исследователь подчёркивает, что могилы Sintashta-Petrovka culture дают древнейшее доказательство колесниц около 2100–1700 гг. до н. э., предшествующее шахтовым гробницам Микен [39. P. 57].

Выводы новейших исследований подтверждают приоритет южноуральского очага культурогенеза в появлении лошадей в упряжке. «Але саме в південноуральському осередку, радіус дії якого охоплював терени від Західного Сибіру і Північного Казахстану до Волго-Донського регіону, і відбувалися ті якісні трансформації, що привели до появи нового типу колісного транспорту — кінної колісниці» [23. С. 139]. При этом озвучено предположение, что южноуральский очаг культурогенеза был вторичным, стимулированным импульсом из Северо-Восточного Кавказа [24. С. 109–111; 26. С. 327–332]. Учитывая, что «родителей» (импульсов) у синташтинской культуры было много, доказать, что за каждым из них стоял некий первичный очаг культурогенеза, будет не очень легко. Важно, что именно южноуральский очаг даёт основания для постановки вопроса именно об этом регионе формирования ранних харизматических кланов.

Таким образом, археологические открытия последнего полувека на Южном Урале, свершённые при активном участии Г. Б. Здановича, подтвердили ключевые положения теорий О. Прицака и Л. Гумилёва. Материализовались в плане археологии комплексы ранних представителей харизматических кланов или пассионариев. При этом концепция харизматических кланов, выводящая вождей-колесничих на легитимных королей и каганов, выглядит более исторично на фоне довольно размытого понятия пассионарности и образа самих пассионариев, как воплощения генетической и этнической чистоты. Пассионарии, в представлении творца теории, «ломают инерцию традиции и иницируют новые этносы» [12. С. 260].

Л. Клейн, касаясь теории пассионарности, обращает внимание на «её необыкновенную популярность у непрофессиональной публики», добавляя, что «...она не имеет ни малейшего естественно-научного подтверждения» [20. С. 116].

С позиции «привередливого рецензента» Л. Клейн критически углубляется в самую сущность теории Л. Гумилёва: «Просту говоря, пассионарность — это сильный темперамент и маниакальное стремление к реализации идеи, мания. В пассионариях Л. Н. Гумилёв видит персон творческих и патриотичных, которых начинают называть “фанатиками”. Когда пассионариев много, этнос процветает, когда их мало — он в упадке» [20. С. 92]. Далее исследователь убедительно показывает, как у Л. Гумилёва патриотическая мания органично трансформируется в ксенофобию, а «фанатики», надо понимать, в «фашистов». Ведь для пассионариев главным есть сохранение этнической чистоты [20. С. 92–99]. Но возникает вопрос: как при таком условии пассионарии могут создавать новые этносы в этнически стерильной среде? Слишком злободневным является взгляд Л. Гумилёва на агрессии: «их причины лежат за пределами того, что контролируемо человеческим сознанием... Но тогда динамика и статика этногенеза равно закономерны, и в них отсутствуют категории вины и ответственности» [12. С. 240]. Постулаты Л. Гумилёва морально освобождают «фанатиков» от вины и ответственности за сознательную провокацию агрессии и войны. Настораживает, что у теоретика наибольшей угрозой пассионарности выступает «человеколюбие» [20. С. 99]. Показательно и то, что Л. Гумилёв враждебно относится к «торгашам», которых, с его точки зрения, слишком много в составе отдельных «неправильных» этносов.

На фоне этнически чистых маниакальных пассионариев Л. Гумилёва представители харизматических кланов у О. Прицака выглядят привлекательнее. Они не только профессиональные воины, но и международные торговцы. Кстати, евразийский степной «мост» обмена и торговли начал функционировать, по археологическим материалам, около 2000 г. до н. э. [36. С. 90–93], совпадая во времени с появлением пароконных колесниц и ранних харизматических кланов. Фактически, это едва ли не первый практический результат поливекторной активности харизматических кланов, что подтверждается материалами археологии. Так, они «специализировались в управлении и ведении войн», распространяя харизму на иноязычные племена, этносы и государства своей эпохи, пересматривая существовавшие доселе основы государственного устройства и закладывая их там, где государственные структуры ещё не сформировались. Таким образом, носители харизмы удовлетворяли спрос на создание государства у догосударственных этносов. В отличие от Л. Гумилёва О. Прицак не плодил эфемерные фантомы пассионариев, а отыскивал ключи ко всё ещё запутанной проблеме происхождения Руси на пересечении путей международной торговли.

В соответствии со схемой украинского учёного, харизматические кланы (племена воинов) выдвигали со своей среды харизматических лидеров — будущих королей и каганов. И хотя харизматические структуры О. Прицак небезосновательно считает индоевропейским изобретением, но такие же кланы, освящённые местной религией — тенгрианством, органически вписались и в смежный тюркский мир. В качестве примера харизматического клана раннего железного века (I тыс. до н. э.) О. Прицак называет «царских скифов». Знаменательно, что в именах царей Великой Скифии слышится отзвук харизмы ранних ариев: Ариант (ариец), Ариапаф (ариеподобный) [2. С. 165–168].

Несколько позднее, в эпоху Великого переселения народов, на историческую сцену выходит следующий креативный харизматический клан Дуло, ориентиру-

ванный в перспективе на государственное строительство, деятельность которого связана с процессом тюркизации Великой Степи. К клану Дуло принадлежал «король» Атила (445–453), который не только консолидировал мощное государство гуннов, простиравшееся от Рейна до Волги, но и выдвинул претензии на политическое наследство предыдущего легендарного клана — ираноязычных царских скифов. В подтверждение своей легитимности он предъявил своим подданным и представителям других государств меч бога войны Ароя (Ареса), так удачно и своевременно найденный пастушком в землях царских скифов [35. С. 140].

После смерти Атилы в течение следующих ста лет государство гуннов распалось. Но ветвь его наследников через младшего сына Эрнака возглавила очередной политический проект на землях царских скифов — Великую Булгарию над Чёрным и Азовским морями. Его творцом стал следующий выдающийся представитель клана Дуло — хан Кубрат (632–668 гг.). После смерти Кубрата Великая Булгария потерпела поражение в войне с Хазарским каганатом и была сегментирована на Волжскую Булгарию и изгнанников за Дунай. Последних возглавил младший сын Кубрата Аспарух, который и предложил свою харизму дунайским славянам. Так возникло Первое Болгарское царство во главе с ханом/царём Аспарухом (681–701 гг.). Таким образом, один клан, обладая харизмой, мог реализовать ряд государственных проектов, опираясь в каждом конкретном случае на другой базовый этнос. Фактически, практика государственного строительства и поддержание стабильной власти выводила харизматические кланы за рамки синхронных этносов, позволяя им циркулировать в межэтническом пространстве. Проще говоря, властные кланы при определённых обстоятельствах могли приторговывать своим политическим капиталом — харизмой, а разветвлённая система международной торговли создавала для этого благоприятное информационное и финансовое поле.

Собственно, О. Прицак предложил модели этих процессов в контексте происхождения Руси, уделив особое внимание оси «хазары — викинги» (кочевники степей — кочевники морей) и соответствующим харизматическим кланам. На роли болгар/болгар в формировании Киевской Руси внимание акцентировалось меньше, хотя влияние на этот процесс представителей клана Дуло отбрасывать не стоит. В частности, фигура Шамбата (Кия) как младшего брата хана Кубрата фигурирует в летописи «Гази Барадж Тарихи» Волжской Болгарии (1229–1246 гг.) [25. С. 106–108].

П. Толочко обратил внимание на откровенно тюркские черты во внешнем облике и образе жизни князя Святослава Храброго (так называемый оселедец — длинная прядь волос на выбритой голове, усы, серёжка, употребление в пищу конины, буйный нрав, мобильный (кочевой?) образ жизни и соответствующая подготовка своих воинов). Исследователь образно называет его «князем-кочевником», но не даёт при этом убедительных объяснений наличия у Святослава нехарактерных для славян атрибутов во внешнем облике и поведенческих навыках [34. С. 63]. Может, тому причиной голос крови? Позитивно на вопрос о том, текла ли в жилах князя Святослава Игоревича тюркская кровь, отвечают болгарские историки. Ведь его мать Ольгу считают дочерью Анны, сестры болгарского царя Симеона (893–927 гг.) из г. Плиска [21. С. 259, библиография]. Добавим, что Симеон принадлежал к харизматическому клану Дуло, тюркскому по происхождению. Именно этот клан прославил своими победами Атила, а от его младшего сына Эрнака ведёт свою

родословную, через Безмера, Кубрата, Аспаруха, династия правителей Первого Болгарского царства. К тому же, в соответствии с летописями Волжской Булгарии, младшим братом Кубрата и дядей Аспаруха был некто Шамбат, по прозвищу Кий.

Изложенные размышления открыты как для более широкой дискуссии, так и для дальнейшего осмысления феномена синташтинской культуры, её роли в истории Старого Света. Открытия Г. Б. Здановича и его неутомимых коллег на Южном Урале оказались на удивление созвучны теоретическим разработкам минувшего века, дополняя, развивая и корректируя их в контексте реалий современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абаев, В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов / В. И. Абаев // Древний Восток и античный мир. — М. : Наука, 1972. — С. 26–37.
2. Алексеев, А. Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк) / А. Ю. Алексеев. — СПб., 1992. — 206 с.
3. Бандрівський, М. С. До питання про датування кістяних стрижнеподібних псалів і поширення одноосьових колісниць (за матеріалами розкопок 2015 р. кургану в Гусятині на Збручі) / М. С. Бандрівський // Археологія та етнологія півдня Східної Європи. — Дніпро : Ліра, 2016. — С. 49–58.
4. Беседин, В. И. «Микенский» орнаменты в Восточной Европе / В. И. Беседин // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). — Донецк : Изд-во ДонГУ, 1996. — Ч. 1. — С. 84–87.
5. Беседин, В. И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе / В. И. Беседин // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1999. — Вып. 13. — С. 45–59.
6. Бочкарёв, В. С. Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи поздней бронзы / В. С. Бочкарёв // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте : материалы методол. семинара ИИМК АН СССР. — СПб., 1991. — С. 24–27.
7. Бочкарёв, В. С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы / В. С. Бочкарёв // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы : материалы конф. 21–25 авг. 1995 г., Саратов. — СПб., 1995. — С. 18–29.
8. Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. — 362 с.
9. Генинг, В. Ф. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. — Ч. 1. — 408 с.
10. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. — Челябинск : Юж.-Урал. отд-ние УрО Ин-та истории и археологии РАН, 1999. — 443 с.
11. Гумилёв, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилёв. — Баку : Азернешр, 1991. — 312 с.
12. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилёв. — 3-е изд., стер. — Л. : Гидрометеиздат, 1990. — 528 с.
13. Древнее Устье. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. Б. Виноградов. — Челябинск, 2001. — 482 с.
14. Зданович, Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья / Г. Б. Зданович // Рос. археология. — 1997. — № 2. — С. 47–62.
15. Зданович, Г. Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы : дис. ... д-ра ист. наук / Г. Б. Зданович. — Ижевск, 2002. — 55 с.
16. Зданович, Г. Б. Щитковые псалы из Среднего Приишимья / Г. Б. Зданович // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 185. — М. : Наука, 1986. — С. 60–65.
17. Зданович, Г. Б. Аркаим — «Страна городов»: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. — Челябинск : Крокус ; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. — 260 с.
18. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д. Г. Зданович. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т : Заповедник «Аркаим», 1997. — 93 с.
19. Ильчишин, В. Похоронения коней эпохи бронзы біля Гусятина Тернопільської області / В. Ильчишин // Вісник рятівної археології (Acta Archaeologiae conservativae). — Львів, 2016. — Вип. 2. — С. 77–90.
20. Клейн, Л. С. Этногенез и археология. Теоретические исследования / Л. С. Клейн. — СПб. : Евразия, 2013. — Т. 1. — 528 с.
21. Климовский, С. И. Где, когда и почему возник Киев / С. И. Климовский. — Киев : Стило, 2012. — 362 с.
22. Кузнецов, П. Ф. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы / П. Ф. Кузнецов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара, 2001. — С. 178–182.

23. Литвиненко, Р. О. Колісний транспорт у поховальній парадигмі культур посткатакомбного блоку / Р. О. Литвиненко // Археологія та етнологія півдня Східної Європи. — Дніпро : Ліра, 2016. — С. 129–140.
24. Литвиненко, Р. О. Обставини і чинники бабинської культурогенези / Р. О. Литвиненко // Вісник Донецького університету. Серія Б: Гуманітарні науки. — 2007. — № 1–2. — С. 109–116.
25. Львова, З. А. К вопросу об исторической интерпретации Перещепинского комплекса / З. А. Львова // Тюркский світ. Етноси України. — Київ, 2000. — С. 104–108.
26. Мимоход, Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего бронзового века / Р. А. Мимоход // Материалы охранных археологических исследований. — М. : ИА РАН, 2013. — Т. 16. — 568 с.
27. Отрощенко, В. В. Бронзова доба України: довід періодизації / В. В. Отрощенко // Наукові студії / Історико-краєзнавчий музей м. Винники, Інститут археології Жешівського університету. Датування — хронологія — періодизація. — Винники ; Жешів ; Львів : Априорі, 2016. — Вип. 9. — С. 58–68.
28. Отрощенко, В. В. Концепція хазризматичних кланів О. Прицака: проблема витоків / В. В. Отрощенко // Мови й культури: між Сходом і Заходом (пам'яті Омеляна Прицака). — Київ : Києво-Могилянська академія, 2015. — С. 42–50.
29. Отрощенко, В. В. Образний ряд Карпато-Мікенського орнаментального стилю / В. В. Отрощенко // *Magisterium НАУКМА. Археологічні студії*. — Київ, 2017. — Вип. 67. — С. 43–53.
30. Отрощенко, В. В. Чотиримісні склепи синташтинської доби / В. В. Отрощенко // Археологія. — 1997. — № 3. — С. 66–72.
31. Отрощенко, В. В. Щодо перехідного періоду від середньої до пізньої бронзи / В. В. Отрощенко // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 2014. — Т. XVII. — С. 7–14.
32. Отрощенко, В. В. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков / В. В. Отрощенко // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж, 1996. — Ч. 2. — С. 29–31.
33. Прицак, О. Походження Русі. Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag) / О. Прицак. — Київ : Обереги, 1997. — 1080 с.
34. Толочко, П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь / П. П. Толочко. — Киев : Абрис, 1999. — 200 с.
35. Томпсон, Е. А. Гунны. Грозные воины степей / Е. А. Томпсон. — М. : Центрполиграф, 2008. — 256 с.
36. Anthony, D. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC / D. Anthony // *The Bronze Age and Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. — Washington, D. C., 1998. — Vol. I. — P. 63–93.
37. Anthony, D. The birth of chariot / D. Anthony, N. B. Vinogradov // *Archaeology*. — 1996. — Vol. 48. — March–April. — P. 36–41.
38. Lichardus, J. Karpatenbecken — Sintashta — Mykene ein beitrag zur definition der bronzezeit als Historischer epoche / J. Lichardus, J. Vladár // *Slovenská Archeológia*. — Nitra, 1996. — Ročník XLIV. — Číslo 1. — S. 25–89.
39. Makkey, J. The early Mycenaean rulers and the contemporary Early Iranians of the Northeast / J. Makkey. — Budapest : Published by the author, 2000. — 84 p.
40. Penner, S. Schliemanns Shachtgräbergrund und der europäische Nordosten / S. Penner // *Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde*. — Bonn, 1998. — Vol. 60. — 239 p.
41. Pritsak, O. The origin of Rus / O. Pritsak. — Cambridge : Harvard University Press, 1981. — 850 p.
42. Zdanovich, G. B. The “Country of Towns” of South Trans-Urals and some aspects of Steppe assimilation in the Bronze Age / G. B. Zdanovich // *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. Papers presented for the symposium to be held, 12–16 January 2000. — Cambridge : The McDonald Institute for Archaeological Research, 2000. — Vol. II. — P. 379–396.

V. Otroshchenko

The Sintashta culture and the concept of charismatic clans by O. Pritsak

The article proposes to correlate the discoveries of archaeologists from the Southern Urals, and especially G. B. Zdanovich, with the concept of charismatic clans of O. Pritsak. According to the researcher, the charismatic clans (tribes of worries) put forward charismatic leaders — future kings and chiefs. The origin of this process is associated with the clans of worries and chariots of the Bronze Age (Sintashta culture). The problem of power and charisma as a driver of progress or regression will always be complex and relevant. O. Pritsak in practice used the concept in the solution of questions of origin of Russia.

Keywords: Sintashta culture, charisma, power, charismatic clans, Middle Bronze Age, Late Bronze Age.

REFERENCES

1. Abayev V.I. K voprosu o prarodine i drevneyshikh migratsiyakh indoiranskikh narodov [On the question of the ancestral home and the oldest migrations of the Indo-Iranian peoples]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir*. Moscow, 1972. Pp. 26–37. (In Russ.).
2. Alekseyev A.Yu. *Skifskaya khronika (Skify v VII–IV vekakh do nashey ery: istoriko-arkheologicheskoy ocherk)* [The Scythian Chronicle]. St. Petersburg, 1992. 206 p. (In Russ.).
3. Bandrivs'kiy M.S. Do pitannya pro datuvannya kistyanikh strizhnepodibnikh psaliiv i poshirennya odnoos'ovikh kolisnits' (za materialami rozkopok 2015 r. kurganu v Gusyatinu na Zbruchu) [On the issue of dating bone-pivotal psalia and the propagation of uniaxial chariots (based on the materials excavated in 2015, the mound in Gusyatin on Zbruch)]. *Arkheologiya ta etnologiya pivdnyia Skhidnoi Evropy*. Dnipro, Lira, 2016. Pp. 49–58. (In Ukrainian).
4. Besedin V.I. «Mikenskiye» ornamenti v Vostochnoy Yevrope [“Mycenaean” ornaments in Eastern Europe]. *Severo-Vostochnoye Priazov'ye v sisteme yevraziyskikh drevnostey (eneolit – bronzovyy vek)*. Donetsk, 1996. Part 1. Pp. 84–87. (In Russ.).
5. Besedin V.I. «Mikenskiy» ornamental'nyy stil' epokhi bronzy v Vostochnoy Yevrope [“Mykene” ornamental style of the Bronze Age in Eastern Europe]. *Yevraziyskaya lesostep' v epokhu metalla. Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi*. Voronezh, 1999. Iss. 13. Pp. 45–59. (In Russ.).
6. Bochkaryov V.S. Volgo-Ural'skiy ochagi kul'turogeneza epokhi pozdney bronzy [The Volga-Urals hearth of culturogenesis of the Late Bronze Age]. *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte*. St. Petersburg, 1991. Pp. 24–27. (In Russ.).
7. Bochkaryov V.S. Karpato-Dunayskiy i Volgo-Ural'skiy ochagi kul'turogeneza epokhi bronzy [Carpatho-Danube and Volga-Ural hearthes of culture-genesis of the Bronze Age]. *Konvergentsiya i divergentsiya v razvitiu kul'tur epokhi eneolita – bronzy Sredney i Vostochnoy Evropy*. St. Petersburg, 1995. Pp. 18–29. (In Russ.).
8. Vinogradov N.B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoye Ozero v Yuzhnom Zaural'ye* [Bronze Age burial ground Krivoye Lake in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, 2003. 362 p. (In Russ.).
9. Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. *Sintashta: arkheologicheskiye pamyatniki ariyskikh plemeny Uralo-Kazhstanskikh stepey* [Sintashta: Archeological sites of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk, 1992. Part 1. 408 p. (In Russ.).
10. Grigoryev S.A. *Drevniye indoyevropeytsy. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Ancient Indo-European. Experience in historical reconstruction]. Chelyabinsk, 1999. 443 p. (In Russ.).
11. Gumilyov L.N. *Tysyacheletiyе vokrug Kaspiya* [Millennium around the Caspian Sea]. Baku, Azerneshr, 1991. 312 p. (In Russ.).
12. Gumilyov L.N. *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Leningrad, 1990. 528 p. (In Russ.).
13. *Drevneye Ust'ye: ukreplyonnoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye* [Ancient Ustye: fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals: collective monograph]. Chelyabinsk, 2001. 482 p. (In Russ.).
14. Zdanovich G.B. Arkaim – kul'turnyy kompleks epokhi sredney bronzy Yuzhnogo Zaural'ya [Arkaim is a cultural complex of the Middle Bronze Age of the Southern Trans-Urals]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1997, no. 2, pp. 47–62. (In Russ.).
15. Zdanovich G.B. *Uralo-Kazakhstanskiyе stepi v epokhu sredney bronzy* [Ural-Kazakh steppes in the Middle Bronze Age]. Izhevsk, 2002. 55 p. (In Russ.).
16. Zdanovich G.B. Shchitkovyye psalii iz Srednego Priishim'ya [Plate psalia psalii from the Middle Priishimje]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. Iss. 185. Moscow, Nauka, 1986. Pp. 60–65. (In Russ.).
17. Zdanovich G.B., Batanina I.M. *Arkaim – «Strana gorodov»: prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy)* [Arkaim – “Country of Cities”: Space and Images (Arkaim: horizons of research)]. Chelyabinsk, 2007. 260 p. (In Russ.).
18. Zdanovich D.G. *Sintashtinskoye obshchestvo: sotsial'nyye osnovy «kvazigorodskoy» kul'tury Yuzhnogo Zaural'ya epokhi sredney bronzy* [Sintashta society: the social foundations of the “quasi-urban” culture of the Southern Trans-Urals of the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk, 1997. 93 p. (In Russ.).
19. Il'chishin V. Pokhovannya koney epokhi bronzy bilya Gusyatina Ternopil's'koї oblasti [Burial of the horses of the Bronze Age near Gusyatin of the Ternopil region]. *Visnik ryativnoi arkheologii (Acta Archaeologiae conservativae)*. Lviv, 2016. Issue 2. Pp. 77–90. (In Ukrainian).
20. Kley L.S. *Etnogenez i arkheologiya. Teoreticheskiye issledovaniya* [Ethnogenesis and archaeology. Theoretical research]. St. Petersburg, 2013. Vol. 1. 528 p. (In Russ.).
21. Klimovskiy S.I. *Gde, kogda i pochemu voznik Kiev* [Where, when, and why did Kiev come about]. Kiev, 2012. 362 p. (In Russ.).
22. Kuznetsov P.F. Territorial'nyye osobennosti i vremennyye ramki perekhodnogo perioda k epokhe pozdney bronzy Vostochnoy Evropy [Territorial features and time frames of the transition period to the Late Bronze Age of Eastern Europe]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya*. Samara, 2001. Pp. 178–182. (In Russ.).
23. Litvinenko R.O. Kolisniy transport u pokhoval'niy paradigmi kul'tur postkatakombnogo bloka [Wheeled transport in the burial paradigm of Post-Combine block]. *Arkheologiya ta etnologiya pivdnyia Skhidnoi Evropy*. Dnipro, 2016. Pp. 129–140. (In Ukrainian).
24. Litvinenko R.O. Obstavini i chinniki babins'koї kul'turorenezi [Circumstances and factors of the Babino culture culture]. *Visnik Donets'kogo universitetu. Seriya B: Gumanitarni nauki*, 2007, no. 1–2, pp. 109–116. (In Ukrainian).
25. L'vova Z.A. K voprosu ob istoricheskoy interpretatsii Pereshchepinskogo kompleksa [On the issue of the

- historical interpretation of the Pereshchepinsky complex]. *Tyurks'kiy svit. Etnosi Ukraïni*. Kiiïv, 2000. Pp. 104–108. (In Russ.).
26. Mimokhod R.A. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka [Lolino culture. North-western Caspian at the turn of the Middle and Late Bronze Age]. *Materialy okhrannykh arkhеologicheskikh issledovaniy*. Moscow, 2013. Vol. 16. 568 p. (In Russ.).
27. Otroshchenko V.V. Bronzova doba Ukraïni: dosvid periodizatsii [Bronze Age of Ukraine: the experience of periodization]. *Naukovi studii*. Vinniki, Zheshiv, L'viv, 2016. Issue 9. Pp. 58–68. (In Ukrainian).
28. Otroshchenko V.V. Kontseptsiya khazrizmatichnikh klaniv O. Pritsaka: problema vitokiv [The concept of haprismatic clans O. Pritsak: the problem of leaks]. *Movi y kul'turi: mizh Skhodom i Zakhodom (pam'yati Omelyana Pritsaka)*. Kiiïv, 2015. Pp. 42–50. (In Ukrainian).
29. Otroshchenko V.V. Obrazniy ryad Karpato-Mikens'kogo ornamental'nogo stilyu [The image of the Carpathian-Mycenaean ornamental style]. *Maristerium NaUKMA. Arkheologichni studii*. Kiiïv, 2017. Iss. 67. Pp. 43–53. (In Ukrainian).
30. Otroshchenko V.V. Chotirimisni sklepi sintashtins'koï dobi [Quaternary vaults of the Sintashta era]. *Arkheologiya*, 1997, no. 3, pp. 66–72. (In Ukrainian).
31. Otroshchenko V.V. Shchodo perekhidnogo periodu vid seredn'oi do pizn'oi bronzi [Regarding the transition period from Middle to Late Bronze]. *Starozhitnosti Pivnichnogo Prichornomor'ya i Krimu*. Zaporizhzhya, 2014. Vol. XVII. Pp. 7–14. (In Ukrainian).
32. Otroshchenko V.V. Yuzhnoural'skiy ochag kul'turogeneza na osi passionarnykh tolchkov [The Southern Urals focus of culturogenesis on the axis of passionary tremors]. *Dono-Donetskiy region v sisteme drevnostey epokhi bronzy vostochnoevropeyskoy stepi i le-*
- sostepi*. Voronezh, 1996. Part 2. Pp. 29–31. (In Russ.).
33. Pritsak O. *Pokhodzhennya Rusi. Vol. 1. Starodavni skandinavski dzerela (krim islands'kikh sag)* [The origin of Rus. Vol. 1. Old Scandinavian sags]. Kiev, 1997. 1080 s. (In Ukrainian).
34. Tolochko P.P. *Kochevyye narody stepey i Kievskaya Rus'* [Nomadic peoples of the steppes and Kievan Rus]. Kiev, 1999. 200 p. (In Ukrainian).
35. Tompson E.A. *Gunny. Groznyye voyny stepey* [Hunp. Terrible warriors of the steppes]. Moscow, 2008. 256 p.
36. Anthony D. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC. *The Bronze Age and Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington, D.C., 1998. Vol. I. Pp. 63–93.
37. Anthony D., Vinogradov N.B. The birth of chariot. *Archaeology*, 1996, vol. 48, march – april, pp. 36–41.
38. Lichardus J., Vladár J. Karpatenbecken – Sintašta – Mykene ein befrag zur definition der bronzezeit als Historischer epoche [Carpathian Basin – Sintashta – Mycenaean: a contribution to the Bronze Age as a historical epoch]. *Slovenská Archeológia*. Nitra, 1996. Ročník XLIV. Číslo 1. Pp. 25–89. (In Germ.).
39. Makkey J. *The early Mycenaean rulers and the contemporary Early Iranians of the Northeast*. Budapest, 2000. 84 p.
40. Penner S. Schliemanns Shachtgräberfund und der europäische Nordosten [Schliemann shaft graves and the European Northwest]. *Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde* Bonn, 1998. Vol. 60. 239 p. (In Germ.).
41. Pritsak O. *The origin of Rus*. Cambridge, Harvard University Press, 1981. 850 p.
42. Zdanovich G.B. The “Country of Towns” of South Trans-Urals and some aspects of Steppe assimilation in the Bronze Age. *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the symposium to be held, 12–16 January 2000*. Cambridge, 2000. Vol. II. Pp. 379–396.